

Дикий камень на берегу Клещина озера у города Переславля-Залесского

К древностям города Переславля языческого культа можно отнести лежащий близ города, на берегу Клещина озера, с северо-восточной его стороны, большой дикий камень. с. 1

Два предания существуют об этом камне: по первому — камень везён был по замёрзшему озеру, по указу Петра Великого, на корабельную верфь на реке Трубеже, но от тяжести лёд обрушился и камень затонул; по другому — камень был предметом богопочтения языческой *Мери*, обитавшей на берегу этого озера; с распространением христианства между этим народом, все их идольские капища разрушены, а предметы богопочтения уничтожены, — между последними ввергнут был и означенный камень в глубину Клещина озера.¹ Согласно тому и другому преданию, камень действительно был в глубине озера; в этом уверяют нас старожилы города, по словам которых камень, сравнительно недавно, появился на берегу озера. Каким же образом каменная глыба эта теперь лежит на обрыве берега, и притом на такой высоте, что высокие волны едва касаются подошвы глыбы? Те же переславские старожилы не говорят нам, что камень вынут был из озера и положен был на высокий берег его силою или искусством человека, но объясняют появление его на берегу свойствами самого Клещина озера.

Дно Переславского Клещина озера гладко, песчано и имеет воронкообразную форму. Подобно морю, озеро не держит в себе брошенных предметов, а выкидывает их на отлогие песчаные свои окраины; операции этой, в особенности для затопленных предметов крупной величины, помогают в весеннее время громадные льдины, которых ветром иногда напирает на тот или другой берег озера такие массы, что они представляют из себя как бы развалины если не городов, то сёл или деревень. Поэтому каменная глыба не могла покойно лежать на гладко-песчаном и твёрдом, как пол, дне озера, но время от времени выдвигалась волнами на песчаную береговую отмель, а льдом окончательно выкачена из воды на крутой обрыв, где и до сего времени лежит на немалое удивление зрителям, представляя трудно разрешимую загадку, откуда взялась эта каменная глыба.

Из вышеприведённых двух преданий об этом загадочном камне едва ли можно дать верояние первому из них. Действительно, в 1691 году Император Пётр I, прельщённый величием Переславского озера и возымев желание завести на нём флотилию, повелел устроить на берегу реки Трубежа корабельную верфь, а на одном из возвышенных берегов озера временный себе дворец и для сего свозить те или другие нужные для постройки материалы. Но едва ли, как строительный материал для верфи и дворца, требовалась такая громадная каменная глыба. Да если бы, на самом деле, и понадобилась эта глыба для построек, то едва ли бы Пётр Великий указал везти её по льду озера, рискуя затопить и камень, и людей, имея при том полную возможность доставить его к месту назначения иным, совершенно безопасным путём.

Для разгадки назначения камня более подходит другое народное предание, в пользу достоверности которого говорит и самое местоположение камня. Здесь в глубокой древности было поселение *Мери*, народа, давно исчезнувшего, но оставившего по себе следы в могилах или курганах, — особенно в большом количестве находящихся там, где лежит упомянутый дикий камень.

---

*Ильинский, П. В. Дикий камень на берегу Клещина озера у города Переславля-Залесского / П. В. Ильинский // Владимирские губернские ведомости (часть неофициальная). — 1894. — 30 сентября (№ 39). — С. 1—3.

¹Оба варианта неверные. Камень затонул в 1788 году, когда его везли по льду, чтобы положить в фундамент колокольни при Духовской церкви. — *Ред.*

с. 2 Преподобный Нестор, перечисляя народы древней Руси IX века, упоминает и *Мерю*. — «А на Клещине озере Меря же»,¹ — пишет он. — Хотя этот полудикий народ с успехом вёл торговые сношения и с Азией, и с Западом, и с просвещённой христианско-православной Грецией, но несмотря на это, оставался в глубоком невежестве и пребывал в грубом язычестве до тех пор, пока свет христианства не озарил все концы русской земли. В это время племя «*Меря*», слившись с пришлым славянством, исчезло, оставив памятником своего существования могилы или курганы, по которым до некоторой точности определяется культ верований этого племени.

В 1853 и 1854 годах, по поручению Археологического Общества, П. С. Савельевым произведены были раскопки 7729 курганов; из этого числа на долю могил, находящихся около Переславского озера, падает 2358.² Самое тщательное исследование находимого в этих курганах, между прочим, указывает, что *Меря* поклонялась скалам и камням, полагая, что эти безмолвные глыбы суть места обиталищ богов и злых демонов.³ Боготворимые камни обыкновенно клались *мерьянами* или в глубоких оврагах, или на возвышенностях — в дубраве, или, наконец, на берегах рек и озёр; при подножии же этих камней, а может быть, даже и на них самих закалались жертвы и тут же сожигались.

Из вышесказанного делается для нас вероятным упомянутое выше второе предание переславцев о дикой глыбе на берегу их озера, тем более, если мы примем во внимание географическое положение этой глыбы. С северной, южной и восточной сторон камень окружают оставшиеся следы живших тут *Мерян* — их могилы и их городок, окружённый земляным валом — «*городище*», — тут же, на значительной высоте, село Ягренево, названием своим напоминающее какое-либо божество *Мерян*, глубокий и длинный овраг — «*Глиницы*», с журчащим в нём потоком, полуязыческая и полухристианская Александрова гора⁴ и, наконец, недалеко на таком же возвышении относительно уровня озера, как и Ягренево, — Никитский монастырь, по преданию основанный на месте идольских требищ. Все эти данные о местах, окружающих глыбу, в глубокой древности населённых *Мерей*, с сопоставлением сведений о боготворении этим народом скал и камней, дают смелость заключать, что дикий камень на берегу Переславского озера был боготворим *Мерей* и, быть может, не один кровавый поток скатился с этого камня для умилостивления богов или демонов, по верованию *Мерян*, в нём обитающих.

Но мы знаем из рассказов старожилов, что каменная глыба эта лежала не на высотах Никитского монастыря и села Ягренева и не в глубоком овраге — Глиницах, но на дне бурливого Клещина озера. Каким же образом этот священный языческий жертвенник очутился на дне озера? Для решения этого вопроса мы прибегнем к двум сказаниям.

Святой Великий князь Владимир, назначая уделы сыновьям своим, Ростово-Суздальскую область отдал сыну Борису Владимировичу. Поручая ему эту область, Великий князь, несомненно, имел в виду, что этот сын, воспитанный в правилах святой христианской веры, не преминет в области своей, населённой грубыми идолопоклонниками, посеять семена христианства. Прибыв с такою миссией в свою область, благочестивый князь Борис действительно оправдал ожидания отца своего; по словам одного древнего известия, святой Борис, «благочестно властвуя, обращал неверных к святой вере».⁵

К Ростовско-Суздальской области принадлежала и *Меря* у Клещина озера, следовательно, древнее известие об обращении святым Борисом «неверных к святой вере» относится и к сему народу. Хотя нет летописных сказаний о том, что святой Борис, объезжая свой удел, посетил и клещинских язычников, для обращения их к святой вере, но то же переславское народное предание пополняет этот пробел в летописях: повествуя о посещении святым Борисом *Мерян* у Клещина озера, оно указывает даже место пребывания его у сих язычников. На одном из возвышений над Клещинным озером, близ земляного городка *Мерян* и их могил, в незапамятные времена основан монастырь во имя святых братьев Бориса и Глеба, — ныне Борисоглебское

¹ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1846. — Т. 1: Лаврентьевская летопись, Троицкая летопись.

² Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров // Труды I Археологического съезда в Москве. — М., 1871. — Т. 2. — С. 634.

³ Там же.

⁴ В наслоениях этой горы обнаружено несколько древностей различных эпох. На самом материке найдены куфические монеты Аббасидов и Саманидов 859 и 900 годов, вместе с слоём жжёных углей, в котором сохранились черепки от разбитых горшков, небольшие ножи и железные пряжки, точно такой формы, как находимые в курганах. В самом верхнем слое имеются следы христианского храма; найденные в этом слое костяные кресты, гребни, стрелы и наугольник от евангелия указывают на монастырские изделия XV и XVI веков. См.: там же.

⁵ Книга степенная царского родословия / Митрополит Афанасий. — М.: Императорский университет, 1775. — Часть 1. — С. 185.

городское кладбище. Монастырь этот по этому преданию основан в память пребывания на сём месте благоверных князей Бориса и Глеба. Если это было действительно так, то сим преданием о пребывании князей-братьев у Клещина озера разрешается и вопрос о появлении упомянутого дикого камня на дне озера. Проповедь святого князя Бориса о Христе, растворенная милосердием и кротостью его, очень может быть, была воспринята клещинской *Мерей*, следовательно, языческие капища их должны были подвергнуться разрушению, а на местах их поставлены предметы христианского Богопочтения.¹ Так, на одной из высот и у Клещина озера появился монастырь во имя святого мученика Никиты, красующийся и донныне на том же самом месте, на котором основан в незапамятные годы. Кому, как не князю Борису Владимировичу, могла придти мысль основать святую обитель на месте ниспроверженного языческого требища и притом во имя святого мученика Никиты. Известно, что святой князь Борис особенно чтит память сего мученика, почасту услаждаясь чтением жизнеописания его. («Помышляет же мучение и страсть святого Никиты», — пишет о святом Борисе мних Иаков.)² Не сию ли обитель разумел церковный проповедник XI века пресвитер Иларион, когда говорил, что «когда капища разрушены, тьма служения бесовского исчезла, бесы убежали, поставлены на горах монастыри».³

с. 3

Разрушая идольское капище *Мерян* и основывая на месте его иноческую обитель во имя мученика Никиты, святой князь Борис уничтожает и предметы богопочтения язычников. Камень-глыба подвергся почти той же участи, как и Перун в Киеве, — глыбу эту скатили с высот или из оврага, и, дабы сделать совершенно невозможным возвращение его на прежнее место и поклонение ему, ревнитель веры Христовой святой Борис повелел затопить его в Клещине озере.

Таким образом, при помощи преданий, близко подходящих к историческим событиям XI века, более или менее решается вопрос о появлении дикого камня в глубинах Переславского озера.

Не выходя из области преданий о диком камне, мы приведём здесь второму из указанных в начале статьи преданий другую редакцию, имеющую почву на страницах нашей церковной истории. В начале XVII века, говорит предание,⁴ камню этому переславцы воздавали те же почести, какими пользовался он от язычников *Мерян*: они ежегодно, 29 июня, собирались к камню и кланялись ему. Преподобный Иринарх,⁵ отправляясь из Ростова в Москву к царю Василию Ивановичу Шуйскому, в бытность свою в Переславле сверг этот камень в Клещино озеро и с той поры уничтожилось чествование этого камня.⁶ Для нас, в данном случае, предание это важно в том отношении, что оно знакомит с остатками языческого культа *Мерян*, дошедшими до XVII века. *Меряне* язычники обоготворяли не только скалы, горы, реки, озёра и источники, но и камни, не исключая даже и мелких. По верованию *Мерян*, морское или вообще водное божество их имело пребывание своё в пёстром камне, и вообще с каждым чем-либо замечательным камнем связана была у них особая легенда.⁷ Такое грубое верование *Мерян* в камни, как божество, надолго оставалось в местах, где жил этот дикий языческий народ, и переславцы XVII века, как наследники места этого народа, удержали веру в дикую глыбу, воздавая ей 29 июня поклонение, подобно своим предшественникам по местожительству *Мерьянам*. Отсюда, нам кажется, и безошибочно будет сделать следующее заключение: дикий камень, лежащий на берегу Клещина озера, тот самый, которому аборигены этого места *Меряне* воздавали божескую почесть и на нём приносили богам кровавые жертвы.

¹Что действительно проповедь о Христе среди *Мерян* во время пребывания у них святого князя Бориса имела успех, это видно из раскопок курганов *Мерян*, в которых найденные монеты указывают на погребение умерших в начале XI века, и в этих курганах похороненные лежат лицом на восток с скрестообразно сложенными на груди руками и с находящимися на груди металлическими крестами и иконами Спасителя, Божией Матери и святых. См.: Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров // Труды I Археологического съезда в Москве. — М., 1871. — Т. 2.

²Полное собрание русских летописей. — СПб., 1846. — Т. 1: Лаврентьевская летопись, Троицкая летопись. — С. 55, 56.

³Слово о законе и благодати митрополита Илариона по рукописи Царского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. — М., 1848. — Т. 7, ч. 2. — С. 21—41.

⁴Преданию этому даёт большую вероятность авторитетный в области истории и археологии граф А. С. Уваров. См.: Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров // Труды I Археологического съезда в Москве. — М., 1871. — Т. 2.

⁵Преподобный Иринарх, подвижник города Ростова, затворник Борисоглебского монастыря, скончался в 1615 году. См. «Русские святые» Филарета, 13 января.

⁶Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров // Труды I Археологического съезда в Москве. — М., 1871. — Т. 2.

⁷Там же.